

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

М.Э. Поснов

**О личности
Основателя христианской церкви:
изложение и краткий разбор
рационалистических, мифологических и
натуралистических воззрений на лицо И. Христа**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1910. № 5-6. С. 732-760.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

О личности Основателя христіанской церкви.

(Изложеніе и краткій разборъ рационалистическихъ, міеологическихъ и натуралистическихъ воззрѣній на лицо І. Христа).

1. Рационалистическая теорія Павлюса.

ИСТОРИЯ жизни и дѣятельности І. Христа сдѣлалась предметомъ (отрицательно-) критическаго изслѣдованія съ XVIII в., а собственно *научно*-критическаго—только съ XIX в. До XVIII в. жизнь І. Христа излагали въ видѣ простыхъ, положительнаго характера, рассказовъ, на основаніи 4-хъ евангелій, гармонически согласованныхъ между собою,—или въ формѣ поэтическихъ, эпическихъ или драматическихъ произведеній. Оба способа изложенія служили только назидательнымъ цѣлямъ: первый родъ давалъ матеріалъ преимущественно клирикамъ въ ихъ практической, проповѣднической дѣятельности, второй шелъ навстрѣчу главнымъ образомъ запросамъ широкихъ христіанскихъ массъ.

Съ XVIII в. начинается отрицательное отношеніе къ сверхъестественному элементу въ библіи, въ частности въ евангеліи, и въ особенности къ евангельскимъ чудесамъ. Піонерами въ данномъ случаѣ были англійскіе деисты (Вольстонъ, Хубъ и друг.) и французскіе философы просвѣщенія, какъ Вольтеръ съ энциклопедистами. Это отрицательное направленіе было перенесено и на нѣмецкую почву, которая была уже достаточно подготовлена ¹⁾. Выразителемъ его здѣсь явился Реймаръ († 1768 г.), взгляды котораго изложены въ анонимныхъ «Вольфенбюттельскихъ фрагментахъ», изданныхъ Лессингомъ

¹⁾ См. А. Hauck, Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche B. XVI. Leipzig. 1905 г. s. 450—452.

(1774 г.). Ему слѣдовали и многіе другіе. Но систематическій характеръ рѣзко-отрицательное отношеніе къ библіи вообще, къ исторіи І. Христа въ особенности, получаетъ въ *богословскомъ раціонализмѣ* ¹⁾, который въ благомъ будто бы намѣреніи, даже съ апологетическими цѣлями ²⁾, старался выместъ все чудесное изъ евангельской исторіи и устранить все сверхъестественное посредствомъ натуралистическаго объясненія и искусственнаго экзегезиса.

Это раціоналистическое направленіе въ богословіи имѣло многочисленныхъ послѣдователей и, не разъ измѣнивъ теченіе и формы, продолжаетъ жить и доселѣ. Но классическимъ представителемъ богословскаго раціонализма на новозавѣтной, евангельской, почвѣ считается Генрихъ Эбер. Готлебъ *Павлюсъ*, или Павль (1761—1851). Его-то воззрѣніе на личность Іисуса мы и изложимъ.

Отъ дѣтства свободный отъ личныхъ эгоистическихъ плановъ и постороннихъ цѣлей, говорить о себѣ самъ Павлюсъ, овладѣвши постепенно всѣми необходимыми средствами для научныхъ изслѣдованій, я всегда имѣлъ самое серьезное желаніе отыскать предметъ, достойный вѣры (*das «Glaubliche»*), и быть вѣрнымъ тому, въ чемъ я до извѣстной степени убѣ-

¹⁾ Богословскій раціонализмъ есть явленіе очень сложное. Его начинаютъ съ половины XVIII в. (съ Землера) и выводятъ изъ философіи Лейбница и Вольфа, хотя называютъ этотъ раціонализмъ не-критическимъ, также неологизмомъ; раціонализмъ же въ собственномъ смыслѣ, или критическій находитъ себѣ основаніе только въ философіи Канта, въ его гносеологіи.—Было много историческихъ причинъ и благопріятствовавшихъ условій, вызвавшихъ къ жизни богословскій раціонализмъ и доставившихъ ему широкое вліяніе—и даже господство. Здѣсь указываютъ и на упадокъ живого развитія богословія, и на появленіе піетизма, и на Вольфіанскую философію, и на вліяніе деистической литературы Англіи и отчасти Франціи. Ср- *Nauck. Realencyklopädie*. В. XVI, s. 449—451. Господству раціонализма въ протестантскихъ странахъ весьма сильно содѣйствовалъ и значительно благопріятствовалъ и послѣдовательно развитый лютеранскій принципъ полной свободы личнаго сужденія въ дѣлахъ вѣры. См. проф. *М. Д. Муретовъ*,—Протестантское богословіе до появленія Страусовой „Жизни Іисуса“. Сергіевъ посадъ, 1894, стр. 8, 15.

²⁾ „Попытка изъяснить чудо естественнымъ образомъ, говорить Зейлеръ, не только позволительна, но можетъ быть даже обязанностью, если чрезъ это устраняются серьезные сомнѣнія противъ религіи (и ея исторіи), или достигаются иначе не достижимыя моральныя цѣли“. *Biblisches Hermeneutik*, s. 146. Erlangen 1800. См. у *Paulus'a*. *Das Leben Jesu*. Heidelberg. 1828. Th. I. Abth. I s. 75.

дился ¹⁾). Въдъ «обязанность вѣрующаго христіанина состоятъ въ добросовѣстномъ приложеніи разума для твердаго познанія ученія Христа». Если религія въ сущности есть знаніе о Богѣ, то необходимо, чтобы содержаніе ея было истинно. Истиннымъ же можетъ быть только понятное и доказанное ²⁾). Есть два рода вѣры: «одинъ родъ вѣрующихъ ставитъ себѣ почти въ заслугу то, что они принимаютъ и твердо держатся невѣроятнаго» ³⁾). Но «тѣ рѣдко вѣрятъ твердо и рѣшительно, которые предполагаютъ, что нѣчто, само по себѣ невозможное, они могли-бы (соб. *wollten*) считать за дѣйствительное, съ принесеніемъ въ жертву всякаго сомнѣнія, если непосредственное дѣйствіе всемогущества сдѣлаетъ это дѣйствительностью. Такая, только на волѣ основанная, вѣра необходимо такъ же измѣнчива, какъ и самая человѣческая воля, въ особенности, когда ея рѣшенія слагаются подъ натискомъ различныхъ стремленій и страстей» ⁴⁾). «Другой родъ вѣры, наоборотъ, состоитъ въ томъ, чтобы чрезъ основанія (доводы) самаго дѣла влечься и склоняться къ твердому признанію заслуживающаго вѣры и охотно хотѣть неизмѣнно держаться этого» ⁵⁾). «Не можетъ и не должна перестать дѣйствовать изощренная сила сужденія, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ объектѣ вѣры» ⁶⁾). «Всегда заслуживаетъ труда вопросъ, *почему* такъ вѣрятъ. Ибо истинная вѣра есть та, которая твердо держится несомнѣннѣйшаго» ⁷⁾). «Незнаніе довлѣющихъ причинъ есть мать чудеснаго и необычайнаго» ⁸⁾).—Отсюда уже видно, какое положеніе долженъ занять Павлюсъ по отношенію къ сверхъестественному, чудесному элементу въ евангеліи. Его точка зрѣнія обязывала его рачительно выяснить смыслъ всякаго событія. «Это звучитъ, разумѣется, весьма внушительно, когда говорятъ о непосредственныхъ дѣйствіяхъ Всемогущаго. Но это только несовершенство и слабость... человѣческая, если даже сильный и разумный не можетъ напередъ представить всѣхъ средствъ и такъ ихъ расположить, чтобы они были достаточны

¹⁾ *Paulus*, Das Leben Jesu, I, Th. 1 Abth. s. VII.

²⁾ *Hauck*, Realencyklopädie. Bd. XV, s. 90.

³⁾ *Paulus*, Das Leben Jesu. I Th. 2 Abth. s. 284.

⁴⁾ *Paulus*, Das Leben Jesu, Th. I, Abth 2, s. 278.

⁵⁾ *Paulus*, Das Leben Jesu, I, 2, s. 284.

⁶⁾ *Paulus*, D. Leben Jesu, 1, 2, s. 280.

⁷⁾ *Paulus*, D. Leben Jesu, 1, 2, s. 285.

⁸⁾ *Paulus*, Das. Leben Jesu, I, 2, s. 279.

для нужнаго дѣйствія. И чрезъ то, что мы это человѣческое несовершенство переносимъ на актъ дѣйствія Божества, должны ли мы думать, что и въ самомъ дѣлѣ приписываемъ Ему (Божеству) нѣчто достойнѣйшее Его? И не есть ли тотъ самый мудрый управитель (der weiseste Ordner), который ничего не имѣетъ прибавить къ наличнымъ средствамъ?»¹⁾ Мудрѣйшій человѣкъ, по Павлюсу, разсуждаетъ такъ: «Если мнѣ въ великомъ мірѣ Бога не достааетъ одного какого-либо естественнаго средства, то онъ (міръ), конечно, богатъ многими другими средствами (разумѣется, естественными). Ибо въ цѣломъ Божественномъ универсѣ цѣлесообразно находятся на лицо разнообразныя виды помощи для дѣятельнаго и разумнаго. Человѣкъ только долженъ умѣть воспользоваться (въ случаѣ нужды) изъ того запаса, въ возмѣщеніе необходимаго, чѣмъ нибудь другимъ, что дано чрезъ вѣчное (?) явленіе (соб. бываніе, durch das ewige «Werde») Божества. Если кто нибудь напр., находясь въ пустынѣ, не имѣетъ хлѣба, тотъ, хотя бы это былъ даже Мессія, не долженъ желать чуда, какъ будто бы Божество должно создать для него тотчасъ хлѣбъ, измѣнить груду камней въ хлѣбную массу. Человѣкъ не долженъ думать, что онъ всегда можетъ жить (только) хлѣбомъ. По той же волѣ Божіей существуетъ многое другое, умѣть чѣмъ воспользоваться—составляетъ задачу человѣка»²⁾. Значитъ, сущность воззрѣнія Павлюса на чудо состоитъ въ томъ, что то, что люди обыкновенно считаютъ за чудо, есть ничто иное, какъ не понятный человѣку результатъ дѣйствія естественныхъ причинъ. Въ великомъ мірѣ Божіемъ всего дано достаточно (цѣлесообразно, regelmässig) для его нуждъ и цѣлей; онъ не нуждается въ добавленіяхъ. Взглядъ чисто деистическій.—Въ обычномъ пониманіи весь раціонализмъ Павлюса полагаютъ въ отрицаніи чудесъ и перетолкованіи ихъ въ естественномъ смыслѣ. Очевидно, къ такому пониманію была склонна и нѣмецкая широкая публика еще при жизни Павлюса. Между тѣмъ самъ онъ находитъ въ такомъ пониманіи свое воззрѣніе утрированнымъ и элегически протестуетъ противъ него: «*Мое величайшее желаніе, чтобы моѣ воззрѣніе на чудесныя разсказы не принимались за главное дѣло. Ахъ, какъ безсодержательна была бы религія, если бы истина за-*

¹⁾ Paulus, Das Leben Jesu, I, 2, s. 284.

²⁾ Paulus, Das Leben Jesu, I, 1, s. 144.

висѣла оттого, вѣрить или не вѣрить чуду... Я очень прошу не думать, чтобы я самъ придавалъ особое значеніе моимъ изслѣдованіямъ о возможной связи дѣйствій и причинъ; прошу также не говорить, что главное дѣло для него въ томъ, что онъ пытается изъяснить чудеса натуральнымъ образомъ» ¹⁾). Дѣйствительно, какъ видимъ изъ предшествующаго, главное въ возрѣніи Павлюса заключается въ провозглашеніи автономіи разума въ дѣлахъ вѣры, въ пониманіи имъ религіи, какъ правды-истины, отнесеніи религіи къ области только разсудка, а не сердца и воли. Умирающій 90-лѣтній старецъ Павлюсъ говорилъ: «Я стою оправданнымъ предъ Богомъ, потому что всегда хотѣлъ только правды (истины)» ²⁾). Отрицаніе всего сверхъестественнаго, въ частности или въ особенностяхъ чуда, является только слѣдствіемъ извѣстнаго пониманія Павлюсомъ религіи и вѣры и предоставленія разуму высшаго критерія въ дѣлѣ вѣры. Тѣмъ не менѣе не только въ популярномъ пониманіи, но даже и въ исторіи развитія богословской мысли съ именемъ Павлюса связывается представленіе, какъ объ истолкователѣ чудесъ въ естественномъ смыслѣ. Это, думается, потому, что раціоналистическія начала, вродѣ автономіи разума и усвоенія ему высшаго критерія въ дѣлахъ вѣры, свойственны всѣмъ раціоналистамъ, особенно кантіанскаго направленія. Но приложеніе этихъ началъ къ изъясненію евангельскихъ чудесъ особенно полно и послѣдовательно, съ точки зрѣнія раціонализма, сдѣлано Павлюсомъ. Это именно обстоятельство произвело большое вліяніе на всю послѣдующую экзегетику не-ортодоксальнаго типа.

Основа христіанства, по Павлюсу, въ его исторіи. Кто можетъ основательно обдумать ее, тотъ находитъ въ ней связь причинъ и дѣйствій и можетъ изложить ее въ простомъ разсказѣ, на основаніи того, что выясняется ему, какъ главное содержаніе преданій. Здѣсь ему придется многое забыть, но немалоу и научиться, ибо традиціонное, церковное, — почти все, что позднѣйшія столѣтія присоединили, — не есть исторически возникшее и вѣрное преданіе. Въ виду этого необходимо, чтобы историкъ изложилъ самые первоисточники, какъ онъ ихъ можетъ понять. Поэтому Павлюсъ считаетъ себя обязаннымъ дать въ своемъ сочиненіи «Жизнь Іисуса» *прежде*

¹⁾ *Paulus*, Das Leben Jesu, I, 1, s. X (курсивъ автора).

²⁾ *Hauck*, Realencyklopädie, B. XV, 90.

всею связанный историческій разсказъ, а потомъ дословный переводъ древнихъ источниковъ (т. е. евангелій) ¹⁾.

«Великая цѣль Иисуса и Его послѣдователей такова: начинать всегда съ требованія объ измѣненіи обыкновенныхъ плотскихъ чувствъ человѣка и чрезъ богоподобное улучшение воли каждаго создать въ дѣйствительности такое внѣшнее положеніе (*äusseren Zustand*), которое можетъ одобрить истинное Божество, или—царствіе Божіе. Эта цѣль есть жизненный зародышъ и существенное въ христіанствѣ» ²⁾.

Чудесное въ исторіи объ Иисусѣ, говоритъ Павлюсъ, есть Самъ Онъ, Его кристально чистая святая душа, вдохновляющая человѣческія души къ подражанію Ему и соревнованію между собою; Его увѣренность, что спасеніе достижимо только чрезъ правоту духа; Его неизмѣнное стремленіе безъ насилія и хитрости воздѣйствовать на внѣшнюю человѣческую жизнь; Его самоотреченіе, въ надеждѣ на божественное, хотя и постепенное воспитаніе человѣческаго рода; внушеніе этихъ чувствъ, посреди угрожающихъ жизни опасностей, и самое пожертвованіе своею юною жизнію съ цѣлью воздѣйствовать на воспріимчивыя души, въ смыслѣ стремленія къ оправданію духа и высотѣ. Такой духъ, явившійся въ человѣческомъ тѣлѣ, есть самъ по себѣ уже нѣчто чрезвычайное ³⁾.

Теперь посмотримъ, какъ Павлюсъ понимаетъ и излагаетъ фактическую исторію Иисуса по евангеліямъ. Постараемся точно, большею частью буквально, воспроизвести разсказъ.

Первый изъ историческихъ разсказовъ евангелія Луки (I, 5 — 25), говоритъ Павлюсъ, вводитъ въ священническую семью, гдѣ жена, родственница матери Иисуса, была бездѣтною, но тѣмъ сильнѣе желала себѣ сына. Правда, горячо желанный сынъ, какъ потомокъ колѣна Левіа, не могъ быть обѣтованнымъ Мессіей, надеждою Израиля; но по крайней мѣрѣ посвятить его Богу, спасающему свой народъ и помазаннику Его—было жгучимъ желаніемъ Елизаветы.

Служеніе мужа Елизаветы доставляло ему чрезвычайно удобное положеніе изливать предъ Іеговою свои моленія. Каждую недѣлю мѣнялись чреды левитскаго служенія при Іерусалимскомъ храмѣ. Между различными священническими обя-

¹⁾ *Paulus*, Das Leben Jesu, I, 1, s. IX—X (курсивъ автора).

²⁾ *Paulus*, Das Leben Jesu, I, 1, s. XI.

³⁾ *Paulus*. Leben Jesu, I, 1, s. XI.

занностями, которыя распредѣлялись по жребію, была одна самая счастливая, выпавшая на долю Захаріи, — это именно совершеніе куренія— этого внѣшняго знака всеобщей молитвы— предъ Іеговою во внутреннемъ святилищѣ ¹⁾).

Въ брежжущую полутьму этого предверья (ко святому святыхъ), раннимъ утромъ, благоговѣнно вступилъ священникъ совершить каженіе. Кого жребій опредѣлялъ къ этому, тотъ считалъ себя особенно облагодѣтельствованнымъ и полагалъ дозволеннымъ съ особеннымъ напряженіемъ и надеждою на исполненіе помнить о собственныхъ благочестивыхъ желаніяхъ, въ этой торжественной тишинѣ, какъ бы въ присутствіи Іеговы. Въ эти краткія минуты священникъ Захарія сильно скорбѣлъ о бездѣтствѣ своей жены Елизаветы, которая напряженно ожидала явленія Мессіи.

Обыкновенно историческій изслѣдователь остается при такомъ изложеніи (Лук. 1, 5—25), которое показываетъ, какъ священническая жена получила горячо-желаннаго сына, и не придаетъ важности вопросу: явленіе ангела, какое имѣлъ настроенный извѣстнымъ образомъ чрезъ всѣ указанная выше обстоятельства священникъ внутри наводящаго трепетъ святилища, было ли всецѣло внѣшнимъ, или отчасти фактомъ, происходившимъ въ его душѣ и придававшимъ опредѣленное значеніе какому-либо внѣшнему явленію? Весьма вѣроятно, онъ самъ не различалъ этой двоякой возможности; но какъ было бы опрометчиво, еслибы и мы, считая возможнымъ держаться только рассказаннаго, думали, что фактъ сдѣлается оттого менѣе истиннымъ, если бы онъ былъ самъ по себѣ почти исключительно (meist) внутреннимъ явленіемъ, вызваннымъ чрезъ какое-либо внѣшнее впечатлѣніе ²⁾. — Далѣе Павлюсъ доказываетъ, что видѣніе ангела было внутреннимъ состояніемъ (Vision, aber innere Anschauung) свящ. Захаріи, объективированнымъ во внѣшнемъ образѣ ³⁾.

Въ святилищѣ Іеговы мужъ Елизаветы, горячо молившійся и имѣвшій видѣніе, получилъ увѣренность въ своихъ силахъ... И вотъ уже теперь Елизавета, полная таинственной радости, прожила пять мѣсяцевъ; и чего она особенно теперь желала, чтобы достойная дѣва изъ рода Давидова, будущая мать Мес-

¹⁾ *Paulus*, Das Leben Jesu, I, 71.

²⁾ *Paulus*, Das Leben Jesu, I, s. 72—73.

³⁾ *Paulus*, Das Leben Jesu, I, s. 74; ср. Exegetisches Handbuch über die drei ersten Evangelien. I Th. I Hälft. Heidelberg. 1830, s. 91.

сія, была ей родственницею! Какая перспектива, если сынъ, котораго она надѣется имѣть, какъ «Богомъ даннаго» (Іоанна), могъ бы вступить въ царство Іеговы для правды и національнаго блага съ такимъ великимъ потомкомъ Давида, какъ Мессіа!

Чудесное въ этихъ первыхъ преданіяхъ св. Луки носить характеръ однообразія во многихъ случаяхъ. Захарія священникъ былъ убѣжденъ, что архангелъ Гавріилъ обновилъ его силы къ рожденію сына. Послѣ того какъ Елизавета на пятомъ мѣсяцѣ беременности не сомнѣвалась въ своемъ счастьѣ и постаралась теперь извѣстить своихъ близкихъ; ея родственница, изъ рода Давидова, Марія получила подобное же, но гораздо высшее по значенію убѣжденіе, что она будетъ матерью Мессіи, и такимъ же образомъ сообщеніе этого извѣстія приписала арх. Гавріилу. За этимъ слѣдуетъ нѣкоторыя поистинѣ знаменательныя явленія, какъ различныя лица этого мессіанскаго кружка образуютъ и выражаютъ свои ожиданія и надежды на грядущаго Мессію (напр. посѣщеніе Маріей Елизаветы, обстоятельства при рожденіи Іоанна). *Все психологически тѣсно связано*: родственныя душевныя настроенія передаются и вызываютъ другъ друга¹⁾. — Замѣчательны обстоятельства, при которыхъ Марія получила благовѣстіе о рожденіи Мессіи. На шестомъ мѣсяцѣ беременности Елизаветы, которая теперь только и думала о томъ, чтобы грядущій Мессія родился отъ родственной ей дѣвы изъ рода Давида, въ Назаретъ къ Маріи внезапно явился кто-то²⁾ и говорить: «радуйся благодатная...» (Лук. I, 28). Первоначальный испугъ Маріи быстро проходитъ, какъ скоро пришедшій вступаетъ съ нею въ разговоръ. Вопросъ Маріи: «какъ будетъ то, когда я мужа не знаю?» (Лук. I, 34) имѣетъ будто бы тотъ смыслъ какимъ образомъ у нея, которая, еще только обрученная—должна исполниться ея надежда (такъ какъ въ тогдашнее время еще не были увѣрены, произойдетъ ли Мессія обыкновеннымъ человѣческимъ образомъ, или инымъ). Пришедшій даетъ ей отвѣтъ: чрезъ силу Вышняго, т. е. чрезъ безпорочное, богоугодное дѣйствіе силы будетъ она, какъ дѣва, ранѣе выхода

¹⁾ *Paulus, Das Leben Jesu, I, s. 76—77.*

²⁾ Павлюсъ считаетъ болѣе древнимъ то чтеніе 28 ст. I-й главы св. Лк., гдѣ *ὁ ἄγγελος* опущено и переводить начало 28 ст. такъ: „*Ein Hereingekommener*“ sagte ihr. *Exeg. Handbuch. I, s. 101.*

замужъ, Матерію дитяти, который также въ этомъ смыслѣ (?) долженъ быть названъ «Сыномъ Божиимъ» ¹⁾).

Ясно, что чудесный характеръ благовѣстія о рожденіи І. Крестителя и І. Христа Павлюсъ рѣшительно отвергаетъ. рожденіе считаетъ естественнымъ ²⁾). Явленіе ангеловъ пастырямъ, при рожденіи Спасителя, онъ выдаетъ за астрономическое событіе, перетолкованное ими, подъ вліяніемъ ранѣе получен-ныхъ слуховъ, въ смыслѣ чудеснаго знаменія о рожденіи Спасителя ³⁾).

Съ юныхъ лѣтъ внушалась Христу со стороны окружающихъ, близкихъ родственниковъ, мысль, что онъ есть обѣтованный Мессія ⁴⁾). Тѣмъ не менѣе, когда Іисусу исполнилось 30 лѣтъ, онъ пошелъ къ Іоанну, который крестилъ во имя «Грядущаго», и просилъ *также и Его* крестить. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ объ удивительномъ величіи духа Іисуса; только смиреніе могло побудить его размышлять такъ: или пусть Божество допустить креститься мнѣ въ «Грядущаго», какъ другіе крестятся,—или пусть теперь обнаружится рѣшительный знакъ, что именно я есть «Грядущій» ⁵⁾).

Сшествіе Св. Духа при крещеніи Іисуса Павлюсъ объясняетъ такъ: «Когда Іисусъ вышелъ изъ воды, то вотъ раздѣлились облака, какъ бы раскрылись небесныя высоты, и оба (Іисусъ и Іоаннъ) увидѣли (бѣлаго) голубя, высоко поднявшагося и исчезнувшаго надъ нимъ. Это, подумали они оба, есть видимый знакъ божественной вдохновляющей силы! Такъ это выразилось на языкѣ глубоко взволнованныхъ восточныхъ

¹⁾ *Paulus*, Exeg. Handbuch. I, s. 100.

²⁾ Приемы Павлюса, при разборѣ имъ еванг. повѣствованій о рожденіи Спасителя и І. Крестителя и проведеніе собственныхъ воззрѣній на этотъ предметъ отличаются большимъ искусствомъ и опытностью. Онъ не говоритъ прямо, коротко и ясно, что, напр., явленіе ангела Захаріи было галлюцинаціей, или что мысль быть матерію Мессіи внушила Маріи Елизавета чрезъ одного посланнаго. Нѣтъ, онъ приглашаетъ историка къ „метафизическому изслѣдованію“, изображаетъ предъ читателемъ психическое состояніе дѣйствующихъ лицъ, рисуетъ предъ нимъ разныя возможности и, не указывая опредѣленнаго, конкретнаго образа совершенія извѣстнаго событія, внушаетъ, подсказываетъ очень не неопредѣленные выводы. О препод. Іосифѣ обручникѣ онъ какъ бы вскользь замѣчаетъ, что онъ вовсе не былъ такъ старъ, какъ обыкновенно думаютъ. Exeg. Handbuch, I, s. 101.

³⁾ Das Leben Jesu, I, 94—95.

⁴⁾ Das Leben Jesu, I, 136—141.

⁵⁾ Das Leben Jesu, I, 139.

людей, привыкшихъ къ образному языку и наглядному изъясненію. Ибо они, какъ и вся древность, были приучены слышать Божество не только въ члено-раздѣльныхъ голосахъ, но также и въ другихъ явленіяхъ и изъяснять ихъ знаменательный для себя смыслъ. Фактъ имѣлъ мѣсто. Изъясненія же были и суть дѣло людей. Въ томъ чрезвычайно напряженномъ и возвышенномъ состояніи душевныхъ силъ имъ дѣйствительно послышался голосъ о возлюбленномъ Сынѣ Бога, къ Которому Богъ имѣетъ все свое благоволеніе, который, слѣд., теперь уже рѣшительно долженъ былъ познать себя, какъ Мессію» ¹⁾. — Сообщеніе евангелистовъ о перенесеніи Иисуса, послѣ крещенія, Духомъ, въ пустыню, Павлюсъ понимаетъ не въ смыслѣ внѣшняго происшествія, но «внутренняго явленія въ духѣ Иисуса» ²⁾.

Переходя къ общественному служенію І. Христа, излагая Его ученіе и изъясняя чудеса, Павлюсъ, вѣрный себѣ, лишаетъ ихъ сверхестественнаго характера. Ученіе Иисуса, какъ Мессіи, отвѣчало, по Павлюсу, вполне ветхозаветному воззрѣнію на Него, какъ Законодателя ³⁾. Для дальнѣйшаго важно замѣтить, что Павлюсъ считаетъ Иисуса незнакомымъ, чуждымъ не-иудейскихъ, «постороннихъ теорій и науки» ⁴⁾. — Всѣ чудеса Христа Павлюсъ объясняетъ такъ же естественнымъ образомъ, психологически, какъ и чудо благовѣщенія, явленія ангеловъ при рожденіи Спасителя и сошествія св. Духа на Иисуса при крещеніи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Исцѣленіе прокаженныхъ Павлюсъ объясняетъ знаніемъ І. Христомъ характера этой болѣзни (проказы): если кожа человѣческая утрачивала чувствительность, то состояніе больного было безнадежно; въ противномъ случаѣ онъ могъ выздороветь. Вотъ почему, напр., Иисусъ, по ев. Матеею (VIII, 3), *касается* больного рукою, и только *послѣ* этого говорить: *хочу, очистись!* ⁵⁾. Больныхъ многими другими болѣзнями Иисусъ исцѣлялъ внушеніемъ вѣры въ Него, какъ Мессію. Напр., исцѣленіе слуги сотника — Мѣ. VIII, 5 ⁶⁾. — Чудеса Иисуса надъ т. н. бѣсноватыми, на самомъ дѣлѣ, по Павлюсу, несчастными сумашедшими, объясняются такъ, что Иисусъ, какъ разумный человѣкъ, старался понять, что составляетъ центральный пунктъ

¹⁾ Das Leben Jesu, I, s. 140.

²⁾ Das Leben Jesu, I, s. 142.

³⁾ Exeg. Handbuch. I, s. 597—8, ср. 587.

⁴⁾ Das Leben Jesu, I, 137.

⁵⁾ Exeget. Handbuch. I, 701—707.

⁶⁾ Exeget. Handbuch. I, 709—715.

помѣшательства челоуѣка и соотвѣтственно съ этимъ дѣйствовалъ на его большое воображеніе. Такъ напр., было при исцѣленіи Гадаринскаго бѣсноватаго, очень тяжелой формы заболѣванія (Мѡ. VIII, 28—34; Мр. V, 1—20; Лк. VIII, 26—39). Отъ окружающихъ Иисусъ узнаетъ о различныхъ эксцессахъ больного и силѣ процесса болѣзни. Вслушиваясь въ рѣчь больного, Иисусъ видитъ, что у него сплелись іудейскія представленія съ демоническою персонификаціей. Иисусъ спрашиваетъ его имя. Больной отвѣчаетъ: легионъ! т. е. говоритъ отъ лица демоновъ. 'Худой признакъ. I. Христось, повидимому, желаетъ теперь, чтобы больной самъ далъ ему поводъ—черезъ болѣе сильное воздѣйствіе на воображеніе изгнать его обычные сумасшедшія представленія. При этомъ помогъ счастливый случай. Вблизи на утесѣ паслось стадо свиней. Взглядъ бѣсноватаго случайно упалъ на это стадо, и онъ, мѣшая іудейскія представленія съ демоническими пожеланіями, началъ молить Иисуса, чтобы онъ, какъ всемогущій Мессія, позволилъ бѣсамъ, выйдя изъ него, войти въ стадо свиней. Больной, какъ іудей, думаетъ, что позволить демонамъ войти въ стадо свиней, этихъ презрѣнныхъ животныхъ, Иисусъ можетъ, и вѣрить также, какъ скоро Иисусъ дастъ позволеніе, что онъ (больной) освободится отъ нихъ. Иисусъ позволяетъ, «но, конечно, не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать вредное чудо (убытокъ) для обладателей». Больной срывается съ мѣста и чрезвычайно быстро бѣжить, какъ будто бы демоны его гнали, и затѣмъ въ сильномъ пароксизмѣ падаетъ среди стада свиней. Кому неизвѣстно, насколько пугливы эти животныя. Все стадо, въ безумномъ испугѣ, бросается съ утеса въ море. Пароксизмъ проходитъ, больной убѣждается, что бѣсы оставили его, и уже здоровымъ спокойно возвращается къ Иисусу ¹⁾).

Всѣ, воскресенные Иисусомъ, умершіе оказывались, по Павлюсу, впавшими въ глубокій обморокъ. Такъ было съ дочерью Іаира и сыномъ Наинской вдовы ²⁾). Болѣе трудностей предстояло Павлюсу объяснить, съ его точки зрѣнія, воскресеніе Лазаря (Іоан. XI, 1—44); но и съ этимъ чудомъ, онъ думаетъ, справился. Ходъ дѣла представляется такъ. Когда Иисусъ, находясь за Іорданомъ, былъ извѣщенъ чрезъ посланнаго о болѣзни своего друга Лазаря, то онъ подробно распросилъ его обо всѣхъ обстоятельствахъ заболѣванія и ходѣ болѣзни,

¹⁾ Das Leben Jesu, I, s. 230—233.

²⁾ Das Leben Jesu, I, s. 272.

и сдѣлалъ выводъ, какъ предсказаніе: болѣзнь не смертельна! Черезъ два дня пришелъ новый посланный съ тяжелою вѣстью о смерти Лазаря. «Какъ долженъ былъ удивиться Іисусъ такому совершенно - неожиданному исходу». Онъ рѣшилъ возвратиться въ Іудею... «Счастливымъ образомъ могила, въ которой уже четыре дня былъ погребенъ столь внезапно умершій Лазарь, оказалась пещерою». Предъ отверстіемъ находился камень. Іисусъ желалъ видѣть своего друга и сказалъ, чтобы отвалили камень. Хлопотливая Марѳа просить не дѣлать этого. «Уже смердитъ», заключаетъ она (ибо четверодневенъ), а не опытно познаетъ, т. е. дѣйствительно слышитъ запахъ разлагающагося тѣла. Камень былъ отваленъ, Іисусъ вошелъ въ могилу-пещеру. Прежде чѣмъ онъ что-либо сказалъ по адресу умершаго, онъ уже благодаритъ Бога. Не слѣдуетъ ли отсюда, что Іисусъ, какъ скоро взглянулъ въ могилу, увидѣлъ своего друга уже ожившимъ, съ жизненными движеніями? Поэтому Онъ восклицаетъ теперь громкимъ голосомъ, но уже не съ цѣлью возбудить умершаго, а вызвать его живого изъ могилы: «Лазарь, выходи!» ¹⁾).

Не остановился Павлюсъ и предъ чудомъ воскресенія І. Христа. Онъ долго и туманно разсуждаетъ объ этомъ величайшемъ чудѣ, предполагаетъ разныя возможности, даетъ будто бы нужныя психологическія разъясненія, думая расшатать обычную христіанскую вѣру, чтобы затѣмъ внушить собственное пониманіе событія, т. е. естественное толкованіе его. Онъ сначала передаетъ разсказъ по евангеліямъ ²⁾), вводя скептическія замѣчанія относительно того, что св. Матѳей о стражахъ, приставленныхъ ко гробу, передаетъ только народную сагу, и что едва-ли жены-муроносицы имѣли основаніе утверждать, что спустившаяся съ холма, бѣлая, блестящая на утреннемъ солнцѣ, челоуѣкообразная фигура и отвалившая камень—былъ ангелъ ³⁾). Затѣмъ, Павлюсъ хочетъ установить тотъ фактъ, что самъ Іисусъ, послѣ своего «воскресенія», старался дать понять, что тѣло Его *тождественно* съ прежнимъ тѣломъ ⁴⁾). Этому обстоятельству Павлюсъ придаетъ огромное значеніе и главнымъ образомъ на основаніи его дѣлаетъ выводъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ «оживленіемъ» (Belebung), съ «возвращеніемъ тѣлесной жизни (d. körperlichen Wiederlebens), а не

¹⁾ Das Leben Jesu, II, 55—61.

²⁾ Das Leben Jesu, II, 266—270.

³⁾ Das Leben Jesu, II, 267.

⁴⁾ Das Leben Jesu, II, 277. ;

съ воскресеніемъ (Auferstehung). Здѣсь имѣть мѣсто не «непосредственное» новое воздѣйствіе всемогущества», а «совпаденіе средствъ и силъ, существующихъ на лицо въ божественномъ міропорядкѣ» ¹⁾. Къ этому присоединяется еще много философско-богословскихъ разсужденій въ деистическомъ духѣ о томъ, гдѣ и когда выразилось бы большее всемогущество Божіе — въ непосредственномъ ли проявленіи божественной силы, или въ сочетаніи, соизпаденіи данныхъ силъ, дающихъ въ результатъ чрезвычайное событіе. Отвѣтъ дается, конечно, въ послѣднемъ смыслѣ ²⁾.

Относительно заключенія земной жизни Іисуса, т. е. вознесенія на небо, Павлюсъ говорить: «Если бы это удаленіе (Entfernung), какъ называетъ Лука XXIV, 51, это послѣднее событіе, было такимъ возвышеніемъ тѣлесно ожившаго Іисуса, какъ восходъ на небо и даже какъ торжественное пареніе на облакахъ предъ глазами внизу стоявшихъ, то какъ могло бы случиться, что евангелисты только кратко упомянули объ этомъ въ концѣ евангелія и въ началѣ кн. Дѣяній, а не подробно изобразили въ большомъ описаніи»? Если мы сопоставимъ все, что они ясно говорятъ (объ этомъ событіи), то имѣемъ только «два слова» (zwei Worte). Онъ удалялся отъ нихъ—у Луки XXIV, 51—и «Онъ восходилъ на небо»—у Марка XVI, 19 Онъ вознесся на небо. Если мы сравнимъ Дѣян. I, 9, то узнаемъ, что облако, какъ на горѣ Преображенія, было для нихъ препятствіемъ долго наблюдать за Іисусомъ. Все остальное, какъ сѣденіе Мессіи одесную Бога, прославленіе Его—есть уже ихъ выводъ, а не видѣнный ими фактъ ³⁾.

Воззрѣніе Павлюса на Іисуса Христа, Его ученіе и дѣятельность представляетъ собою необходимое звено въ исторіи развитія отрицательныхъ, раціоналистическихъ идей. Въ этомъ его историческое значеніе. Критиковать въ настоящее время теорію Павлюса—это значитъ бороться съ пустымъ мѣстомъ. Время ея прошло безвозвратно. Два основныхъ положенія лежатъ въ основѣ его воззрѣнія: 1) метафизическое: чудеса невозможны, и 2) историческое: Евангелисты невѣрно пони-

¹⁾ Das Leben Jesu, II, 278.

²⁾ Das Leben Jesu, II, 278—305. Ср. Exeget. Handbuch, III, 854—885.

³⁾ Das Leben Jesu, II, 318—344; ср. Exeget. Handbuch., III, s. 910—928.

мали записанныя ими событія. Павлюсь, во-первыхъ, не считаетъ согласнымъ съ всемогуществомъ Божиимъ признать возможность *непосредственнаго* воздѣйствія Бога на міръ, Его вмѣшательство въ жизнь міра. Другими словами, Павлюсь—убѣжденный деистъ. Второе основаніе Павлюса только мнимо историческое; на самомъ дѣлѣ оно такое же теоретическое, какъ и первое, и есть въ сущности выводъ изъ него. Первое положеніе утверждаетъ: чудесъ не можетъ быть. Второе положеніе гласитъ: если чудеса невозможны, то евангелисты, сообщаящіе о нихъ, какъ самоочевидцы, или со словъ другихъ, не поняли совершавшихся предъ ихъ глазами событій. Они правильно констатируютъ факты, но ложно освѣщаютъ ихъ.—Если устранить эти два основныя положенія воззрѣній Павлюса, какъ *не-историческія*, то вся его теорія рушится, подобно карточному домику. Сама по себѣ его критика чудесъ въ высшей степени искусственна, и отнюдь не убѣдительна. Напримѣръ, евангельскіе бѣсноватые, по Павлюсу, душевно-больные, сумашедшіе. Участіе Христа въ отношеніи къ нимъ исчерпывалось тѣмъ, что Онъ чрезъ болѣе сильное воздѣйствіе на ихъ воображеніе изгонялъ у нихъ фиксированныя идеи. Положимъ. Но вѣдь душевно-больныхъ всегда было и есть очень много. Эти несчастные наполняютъ цѣлыя спеціальныя дома. И вотъ рѣшительно не понятно, почему, кромѣ І. Христа, не было—по крайней мѣрѣ исторія не знаетъ—и въ настоящее время нѣтъ, кто бы вылѣчивалъ этихъ душевно-больныхъ, подобно Христу, несмотря на то, что въ XIX в. познакомились и съ внушеніемъ, и съ спиритизмомъ ¹⁾, о чемъ неизвѣстно было въ вѣкъ І. Христа? Или еще. Всѣ воскресенные Христомъ умершіе оказывались глубокообморочными, находившимися въ летаргическомъ снѣ. Случаи подобныхъ обмороковъ, конечно, всегда могли быть и есть; но сравнительно рѣдко, одинъ на 1000, или даже въ еще меньшемъ ²⁾‰. Какимъ же образомъ всѣ умершіе, которыхъ встрѣчалъ Христосъ, или къ которымъ Его призывали, оказывались—*непретѣнно всѣ*—находившимися въ летаргическомъ снѣ? ²⁾).

¹⁾ Ср. проф. П. И. Ковалевскій. Иисусъ Галилеянинъ. Спб. 1908, стр. 17—46.

²⁾ Ср. статью проф. М. Д. Муретова: „Эйхгорнъ и его толкованіе новозавѣтныхъ чудесъ“ (Прибавленіе къ твореніямъ Св. Отцевъ, 1887).

II. Давидъ Штраусъ, какъ представитель мифологическаго направленія.

Не отрицая подлинности евангельскихъ повѣствованій ¹⁾, Павлюсъ признавалъ историческія основы христіанства ²⁾. Его задачею было приблизить евангельскую исторію къ разсудочному, историко-прагматическому пониманію. Главное препятствіе для этого представлялъ въ еван. исторіи элементъ чудесный, сверхъестественный, отказывавшій разуму во всякой компетентности. Вслѣдствіе этого Павлюсъ, вѣрный раціоналистическому принципу, стремился къ устраненію сверхъестественнаго элемента. Этого онъ думалъ достигнуть критикою чудесъ и объясненіемъ ихъ, какъ естественныхъ явленій. Но его объясненія чудесъ вышли менѣе понятными, чѣмъ самыя чудеса, искусственными, неестественными. Кромѣ того, была довольно прозрачна та внѣшняя, теоретическая (деистическая) точка зрѣнія, изъ которой исходилъ Павлюсъ въ своей критикѣ евангельской исторіи. Въ общемъ раціоналистическая теорія Павлюса никого вполнѣ не удовлетворила, и въ цѣломъ своемъ видѣ никѣмъ уже болѣе не была проводима.

Протестантскій супранатурализмъ, съ его поклоненіемъ буквѣ писанія, господствовавшій до XVIII, потерялъ кредитъ. Смѣнившій его раціонализмъ тоже, какъ видимъ, былъ отвергнутъ. Тѣмъ временемъ выступаетъ примирительное, посредствующее теченіе, думавшее создать соглашеніе между вѣрою и разумомъ ³⁾. Это направленіе, какъ и всякое посредство, страдало неопредѣленностью, въ концѣ концовъ, внутреннимъ противорѣчіемъ ⁴⁾. Ему не доставало ни надлежащей вѣры, ни надле-

¹⁾ Exeget. Handbuch. 1, s. 32, 36—37. Das Leben Jesu, I, 68—68; Ср. 148.

²⁾ Das Leben Jesu, I, IX.

³⁾ См. проф. М. Д. Муретовъ, Протестан. богословіе, стр. 53 и дал.

⁴⁾ Ярко изображено переходное время отъ раціонализма къ такъ наз. „новой теологіи“, исторію которой, какъ сейчасъ увидимъ, начинаютъ Д. Штраусомъ, — Кар. Шварцемъ въ его сочиненіи „Zur Geschichte der neuesten Theologie“ zw. Aufl. Leipzig. 1856. Karl Schwarz. Онъ смѣло характеризуетъ „раціонализмъ и супранатурализмъ, какъ два направленія, одинаково одностороннія и поверхностныя, какъ выросшія на общей почвѣ дуализма и внѣшняго механическаго міровоззрѣнія“ (с. 5.). Какъ послѣдователь Шлейермахера, К. Шварцъ ставитъ его (вмѣстѣ съ Гегелемъ) во главѣ новой теологіи, хотя собственно исторію новой теологіи, ведетъ съ Штрауса (с. 14—15). — Изъ русскихъ авторовъ разсматриваемый періодъ подробно и основательно изслѣдованъ у проф. М. Д. Муретова: „Протестантское богословіе до появленія Страусовой жизни Иисуса. Спб. 1894, стр. 1—116.

жащаго разума, оно было безъ живой вѣры и безъ содержательной мысли. Это особенно хорошо видно на *Шлейермахера*, какъ главномъ представителѣ даннаго направленія. Онъ вѣритъ во Христа, какъ Богочеловѣка; онъ признаетъ необходимость искупленія и совершенія его І. Христомъ; онъ указываетъ на необходимость усвоенія христіаниномъ благодатныхъ заслугъ Христа, называетъ Спасителя главою церкви, церковь тѣломъ Его ¹⁾. Но съ другой стороны, онъ высказывается скептически относительно происхожденія синоптическихъ евангелій и въ самомъ способѣ ихъ происхожденія (устное преданіе, письменные первоисточники) указываетъ возможность внесенія въ нихъ элемента мифологическаго. Особенно такимъ характеромъ, по мнѣнію Шлейермахера, отличаются начало и конецъ евангельской исторіи, именно рассказы о рожденіи и дѣтствѣ І. Христа и Его вознесенія на небо, а также нѣкоторыя изъ чудесъ ²⁾. Такимъ же характеромъ неустойчивости, неопредѣленности отличается воззрѣніе на личность Іисуса, Его жизнь и дѣятельность и Ав. Неандера, одного изъ главнѣйшихъ послѣдователей Шлейермахера. Относительно «Жизни Іисуса» Неандера одинъ богословъ иронически, но чрезвычайно мѣтко выразился такъ: это сочиненіе «имѣетъ три эпиграфа; первый взятъ у Афанасія В., второй у Паскаля, и третій у Платона. Всѣ добрые геніи теологіи и философіи были призваны въ этотъ критическій моментъ. Тѣмъ не менѣе, такъ и хотѣлось бы четвертаго эпиграфа, столь же характернаго для книги, сколь и библейскаго: «Вѣрю, Господи; помоги моему невѣрію!».

Несомнѣнно, у Шлейермахера и Неандера мы имѣемъ начала уже отрицательно-историческаго критицизма. Но сильное религіозное чувство не позволило имъ провести послѣдовательно отрицательно-критическое начало въ отношеніи къ источникамъ евангельской исторіи и примѣнить его къ личности Іисуса. Здѣсь требовалась натура рѣшительно другого склада. Такимъ былъ Давидъ *Штраусъ* (1808—1874).

«Древнѣй экзегесисъ, говоритъ Штраусъ, исходитъ изъ двухъ предположеній: первое, что въ нашихъ евангеліяхъ содержится исторія, второе, что исторія эта *сверхъестественна*. И если

¹⁾ См. *Fr. Schleiermacher's, Sämmtliche Werke. B. I. Das Leben Jesu. Berlin 1864, s. 279—294, 344—361.*

²⁾ *Das Leben Jesu, s. 46—58, 460—469.*

потомъ рaціoнализмъ отвергъ второе предположеніе, то тѣмъ крѣпче онъ ухватился за первое, т. е. что въ тѣхъ книгахъ находится чистая, хотя и *естественная исторія*. Однако же наука не можетъ оставаться на такой полудорогѣ, надо отбросить и второе предположеніе и прежде всего изслѣдовать: *стоимъ ли мы и какъ далеко мы вообще стоимъ въ евангеліяхъ на историческомъ основаніи и на исторической почвѣ!* Это — естественный ходъ вещей и имъ не только оправдывается, но и оказывается необходимымъ появленіе настоящей книги».

Такими словами Штраусъ весьма мѣтко охарактеризовалъ господствовавшія до него направленія и въ высшей степени вѣрно опредѣлилъ задачи историко-экзегетическаго богословія своего времени. Въ одной, въ двухъ фразахъ Штраусъ сразу выяснилъ свое отношеніе къ супранатурализму и рaціoнализму въ его двухъ видахъ,—къ супранатурализму, признававшему достовѣрными и рассказанные евангелистами факты и чудеса, къ вульгарному рaціoнализму, дававшему вѣру повѣствованіямъ евангелистовъ и отрицавшему чудеса, и къ радикальному рaціoнализму, объявлявшему евангелистовъ за обманщиковъ, а рассказанные ими событія за ложь ¹⁾).

Штраусъ не можетъ согласиться ни съ супранатурализмомъ, ни съ рaціoнализмомъ потому, что они собственно не пользуются научно-историческою критикою. Но съ другой стороны, онъ беретъ подъ свою защиту супранатурализмъ противъ т. н. вульгарнаго рaціoнализма, когда говоритъ, что евангелисты рассказываютъ о чудесахъ, и что напрасный трудъ объяснять ихъ естественнымъ образомъ, чтобы такимъ образомъ устранить. Онъ соглашается и съ вульгарнымъ рaціoнализмомъ въ томъ, что дѣйствительно Іисусъ не творилъ чудесъ, и что исторія жизни Іисуса, какъ и всякая другая, должна быть естественна и понятна людямъ. Онъ можетъ въ извѣстномъ смыслѣ принять утвержденіе и радикальнаго рaціoнализма, что евангелисты не заслуживаютъ вѣры и сообщаемыя имъ событія не дѣйствительны, но евангелисты отнюдь не сознательные обманщики. Вопреки супранатурализму и рaціoнализму, Штраусъ

¹⁾ Ср. *Ziegler, Realencyklopädie-Nauck*. В. XIX, s. 79. Кромѣ Циглера, еще Шаффъ, насколько мы знаемъ, называетъ рaціoнализмъ Павлуса вульгарнымъ. Намъ бы казалось, его скорѣе можно назвать *теоретическимъ*, за его исходную точку зрѣнія—философскую, чуждую для исторіи, внѣшнюю.

выставилъ замѣчательно ясное и опредѣленное положеніе, въ видѣ дилеммы: «*Или евангелія—дѣйствительно историческіе документы, и тогда чудо не можетъ быть удалено изъ жизни Іисуса; или же чудо не совмѣстимо съ исторіей, и тогда евангелія не могутъ быть историческими документами*» ¹⁾. Но въ такомъ случаѣ куда же можетъ быть указанъ выходъ и почему? Все спасеніе отъ противорѣчій Штраусъ видитъ въ критикѣ евангельскихъ источниковъ и въ миѳѣ, какъ душѣ евангельской исторіи.

Гегель и Бауръ, два, быть можетъ, величайшихъ ума первой половины XIX в., безспорно имѣли весьма сильное вліяніе на образованіе міровоззрѣнія Штрауса. Штраусъ былъ ученикомъ Баура, когда послѣдній въ 20-хъ годахъ читалъ лекціи въ Бляубюренѣ о «символикѣ и миѳологіи». Религіозно-философская точка зрѣнія Гегеля касалась того же предмета. Гегель, соотвѣтственно духу своего времени, стремился примирить вѣру и знаніе и думалъ достигнуть этого, подчиняя первую послѣднему на томъ основаніи, что религія содержитъ истину въ несовершенной формѣ представленія, а знаніе—въ адекватной формѣ понятія. Не предполагалъ Гегель стоять въ противорѣчій съ религіей, утверждая, вмѣсто единичнаго факта воплощенія Сына Божія, эманацию божества въ мірѣ вообще, въ человѣческомъ родѣ въ частности. Между тѣмъ, оба эти положенія и были направлены Штраусомъ къ еще большому обостренію вѣры и знанія» ²⁾.

Поставивъ дилемму: «или евангелія дѣйствительно историческіе документы, и тогда чудо не можетъ быть удалено изъ жизни Іисуса; или же чудо не совмѣстимо съ исторіей, и тогда евангелія не могутъ быть признаны историческими документами», — Штраусъ, разумѣется, былъ склоненъ рѣшить вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ: «Изъ одного только того факта, что евангелія говорятъ о сверхъестественныхъ фактахъ, ясно, что они не могутъ быть историческими документами» ³⁾. Но съ другой стороны, «по преданію, которое еще не оспаривалъ рационализмъ Павлюса, ихъ авторы по времени и условіямъ жизни были слишкомъ близки къ событіямъ, чтобы не заслуживать вѣры. Разъ таково происхожденіе евангелій, то ясно,

¹⁾ David Friedrich Strauss, Das Leben Jesu Zw. Aufl. Leipzig 1864. s. 18; русскій переводъ подъ редакціей Н. М. Никольскаго. Москва. 1907, стр. 21.

²⁾ Ср. Th. Ziegler, Realencyklopädie-Hauck, XIX, s. 80.

³⁾ Das Leben Jesu, s. 30; рус. пер. 31.

что ихъ содержаніе должно быть признано; но, съ другой стороны, разъ установлена невозможность чудесъ, не менѣе ясно, что чудесные разказы не заслуживаютъ вѣры. Какъ разрѣшить такое противорѣчіе? ¹⁾. Здѣсь-то и помогла дѣлу миѣическая точка зрѣнія, усвоенная Штраусомъ у Баура и Гегеля. вмѣсто Гегелева выраженія о религіи, какъ содержащей истину въ «формѣ представленій», Штраусъ вполнѣ правильно поставилъ понятіе «миѣа», какъ безсознательнаго творчества, легендарнаго разказа и тенденціознаго сочинительства. «Мы оставимъ евангеліямъ ихъ чудеса, говоритъ Штраусъ, но при условіи разсматривать ихъ, какъ простые миѣы; идея миѣа представляетъ орудіе, при помощи котораго мы можемъ удалить чудо и сдѣлать возможнымъ историческое изложеніе жизни Іисуса» ²⁾. При помощи этого «орудія» рѣшаетъ Штраусъ и вопросъ объ евангеліяхъ, какъ источникахъ. Образованіе миѣа требовало болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Миѣы, слѣд., не могли создать очевидцы событій. Отсюда желательный выводъ—не признавать за евангеліями произведеній непосредственныхъ учениковъ Іисуса Христа ³⁾. Подвергнувъ будто бы научной критикѣ древнія свидѣтельства о происхожденіи евангелій, Штраусъ заключаетъ: «Свидѣтельства, далеко не устанавливая, что эти книги восходятъ къ очевидцамъ, къ близкимъ этихъ очевидцевъ, или даже къ авторамъ, недалекимъ по времени отъ евангельскихъ фактовъ, напротивъ, заставляютъ насъ усмотрѣть между этой датой и датой ихъ редакціи извѣстный промежутокъ, въ теченіе котораго могла упрочиться и войти въ преданіе масса вымышленнаго матеріала. По своему составу и взаимному отношенію, евангелія являются произведеніями, написанными одно послѣ другого, и съ разныхъ точекъ зрѣнія, они не являются правильнымъ отраженіемъ фактовъ, но отражаютъ господствующія понятія, тенденціи и миѣнія своей эпохи» ⁴⁾.

Владѣя такими «орудіями», Штраусъ подвергъ безпощадной критикѣ и строгому приговору труды своихъ предшественниковъ и современниковъ, касавшихся жизни Іисуса, и далъ свой образецъ описанія.

Опредѣляющимъ моментовъ въ воззрѣніи на личность Іисуса

¹⁾ Das Leben Jesu, s. 14; рус. пер. 18.

²⁾ Das Leben Jesu, s. 145; рус. пер. 139—40.

³⁾ Ср. Th. Ziegler, Realencyklopädie, XIX, s. 80

⁴⁾ Das Leben Jesu, 145; рус. пер. 139.

для Штрауса послужила та же философія Гегеля съ ея основнымъ положеніемъ о безконечныхъ проявленіяхъ (эманациі) божества въ мірѣ. «Ложень тотъ родъ представленія, говоритъ Штраусъ, по которому идея реализовалась такъ, какъ будто бы излила всю свою полноту въ одномъ экземплярѣ, а не въ многообразіи экземпляровъ, которые восполняютъ другъ друга... Только тотъ понимаетъ христіанство, какъ христіанинъ, кто разсматриваетъ его, какъ приобщеніе человѣчества къ болѣе близкому и полному сознанію самого себя, кто признаетъ Иисуса за человѣка, о которомъ это сознаніе возникло, какъ абсолютный законъ его природы и его жизни»¹⁾. Устранивъ такимъ способомъ пониманіе личности Иисуса, какъ Богочеловѣка въ исключительномъ абсолютномъ смыслѣ, Штраусъ пропозноситъ рѣшительный приговоръ надъ всею богословскою наукою по данному вопросу, что до него не существовало еще описанія жизни Иисуса. Произведенія, излагавшія жизнь Иисуса до XVIII в., являлись «простыми компиляціями и пересказами евангелическихъ повѣствованій, построенными съ точки зрѣнія догмы, а отнюдь не тѣмъ, что мы подразумѣваемъ теперь подъ *жизнію* или *исторіей* Иисуса»²⁾. Догматическій Христосъ—сынъ Божій, зачатый отъ св. Духа, безконечно возвышающійся надъ всѣми условіями жизни и прямо достигающій опредѣленной отъ вѣчности цѣли спасенія людей. Между тѣмъ предметомъ біографическаго очерка можетъ быть только обыкновенный человѣкъ, ограниченный въ своей жизни и дѣятельности условіями мѣста, времени и т. д. Развитие и дѣятельность даже великихъ людей, совершающіяся въ рамкахъ исторіи, неизбѣжно подчинены законамъ причинности. Значитъ, догматическое представленіе о Христѣ находится въ противорѣчій съ общимъ понятіемъ исторіи и съ спеціальнымъ понятіемъ біографіи. Слѣдовательно, можно было держаться одного изъ двухъ: или догматическій Христосъ, или Христосъ, какъ историческая личность. Многіе думали найти выходъ изъ такого остраго положенія въ томъ, что послѣ Христа ортодоксальной догмы всегда оставался все-таки Христосъ Новаго Завѣта, который, увѣряли, будучи правильно понятъ, не выступаетъ изъ границъ природы и человѣчества. Но они ошибались: евангелія рисуютъ намъ сверхъестественную личность³⁾.

¹⁾ Das Leben Jesu, XVII; рус. пер. 7.

²⁾ Das Leben Jesu, s. 2; рус. пер. 9.

³⁾ Das Leben Jesu, s. 4; рус. пер. 11.

Выставивши такіе рѣшительные тезисы, Штраусъ подвергъ строгой критикѣ труды по исторіи Іисуса—Гесса, Гердера, Павлюса, Шлейермахера, Газе, а въ позднѣйшемъ изданіи онъ даетъ реваншъ своимъ критикамъ—Неандеру, Эбрарду и др., а также разсматриваетъ послѣдніе труды Кейма и Ренана ¹⁾. Общій характеръ всѣхъ этихъ трудовъ, быть можетъ, за исключеніемъ одного Ренана—это стремленіе согласовать, примирить противорѣчивыя требованія догмы и исторіи. Критика Штрауса сильна, хлестка и беспощадна. Онъ отчетливо показываетъ, какъ путается каждый изъ названныхъ авторовъ, соединяя несоединимое: или привнося въ сверхъестественный образъ раціоналистическія черты, или уродуя историческій образъ неожиданнымъ признаніемъ чудесъ. Гессъ почти супранатуралистъ; но онъ отвергаетъ чудесный характеръ звѣзды волхвовъ, сильно колеблется относительно искушеній діавола и не признаетъ бѣсноватыхъ въ евангельскомъ смыслѣ. Гердеръ болѣе рѣшительный раціоналистъ и моралистъ. Его привлекаетъ гуманистическая дѣятельность І. Христа и евангеліе, какъ книга высокаго ученія. Чудеса онъ понимаетъ большею частію символически, или даже раціоналистически; но онъ не можетъ такъ раздѣлаться съ чудомъ воскресенія Христа и прибѣгаетъ къ помощи «Всемогущества Божія». Павлюсъ, объясняя чудеса, какъ обыкновенныя явленія, стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ евангеліями, которыя выдаютъ чудеса за сверхъестественные факты. Штраусъ подвергаетъ разбору отдѣльныя толкованія чудесъ Павлюсомъ и воочію показываетъ ихъ натянутость, неестественность и вычурность. Штраусъ останавливаетъ вниманіе на пробномъ шарѣ Павлюса, его объясненіи благовѣстія о рождествѣ І. Крестителя и І. Христа, и находитъ, что «его толкованіе вообще выдаетъ намъ слишкомъ часто свинецъ за золото, но здѣсь онъ цѣликомъ попадаетъ въ грязь» ²⁾. Плохая рекомендація для метода Павлюса! Справедливо говорятъ, что самая сильная критика теоріи Павлюса дается Штраусомъ.—Не оставилъ въ покоѣ Штраусъ и Шлейермахера. Онъ уличаетъ его въ непослѣдовательности, уклончивости и недоговоренности. Напр., относительно его объясненія догмата рожденія Іисуса отъ Св. Духа, Штраусъ замѣчаетъ: «разъ Шлейермахеръ безъ колебаній находитъ больше поэзіи, чѣмъ исторіи въ томъ, что со-

¹⁾ Das Leben Jesu, 7—39; рус. пер. 12—40 стр.

²⁾ Das Leben Jesu, 18; рус. пер. 21.

общаютъ намъ по этому поводу Матѳеѣй и Лука, то какъ же онъ остановился на полпути? Почему относительно искушенія, котораго нѣтъ у Іоанна, онъ удовольствовался какъ бы компромиссомъ?» ¹⁾ и т. д. Но, замѣтимъ кстати, Шлейермахеръ первый предупредительно поставилъ несокрушимый подводный камень въ томъ фарватерѣ, гдѣ расчитывалъ свободно гулять на своемъ кораблѣ гордый Штраусъ. Мы имемъ въ виду замѣчаніе Шлейермахера о миѳѣ, силу котораго созналъ Штраусъ, но не могъ ослабить. Объ этомъ рѣчь впереди. — Относительно трудовъ Эбрарда, направленныхъ противъ именно жизни Іисуса Штрауса, послѣдній какъ бы въ озлобленіи рѣзко, но едвали основательно замѣчаетъ: «мы встрѣчаемся здѣсь съ реставраціей ортодоксіи въ беззастѣнчивомъ видѣ. Здѣсь нѣтъ ни уступокъ, ни смягченій; евангелисты не противорѣчатъ другъ другу, не заблуждаются нигдѣ; критика всегда не права; нужно не опровергать ее, но перекричать. Эбрардъ обвиняетъ меня въ легкомысліи» ²⁾ и т. д.

Очистивъ такимъ образомъ почву отъ обломковъ разбитыхъ имъ разныхъ построеній жизни Іисуса, Штраусъ опредѣляетъ свою положительную задачу такъ: «путемъ разбора каждаго въ отдѣльности евангельскаго разсказа показать непригодность всѣхъ попытокъ, задававшихся цѣлью удалить изъ нихъ сверхъестественный элементъ, путемъ объясненія и разсужденія, или скрыть противорѣчія между этимъ сверхъестественнымъ элементомъ и законами природы; затѣмъ изъ этого разбора сдѣлать заключеніе, что евангельскіе разсказы не могутъ быть квалифицированы, какъ историческія свидѣтельства въ истинномъ значеніи слова... Къ этому прибавлялось еще одно соображеніе: разъ дѣло идетъ о сверхъестественномъ, то всегда легче мыслить самопроизвольную или отраженную фикцію, чѣмъ допустить реальность приводимыхъ фактовъ» ³⁾. Но «чтобы исторія могла дѣлать свое дѣло, необходимо прежде всего, чтобы критика окончила свое дѣло и опредѣлила степень достовѣрности различныхъ евангельскихъ свѣдѣній» ⁴⁾. Въ виду этого, Штраусъ начинаетъ разборомъ внѣшнихъ свидѣтельствъ, касающихся происхожденія и древности евангелій: Папія, Ириней, Евсевія и нѣкотор. другихъ. (Мы будемъ имѣть слу-

¹⁾ Das Leben Jesu, 22; рус. пер. 25.

²⁾ Das Leben Jesu, s. 34; рус. пер. 36.

³⁾ Das Leben Jesu, s. 30; рус. пер. 32.

⁴⁾ Das Leben Jesu, s. 4—5; рус. пер. 11—12.

чай изложить и оцѣнить эти свидѣтельства). Разумѣется, всѣ они оказываются неясными, неопредѣленными, и изъ нихъ Штраусъ можетъ извлечь только такой скудный выводъ: «немного спустя послѣ начала II. в. встрѣчаются нѣкоторые слѣды, если не существованія евангелій въ ихъ современномъ видѣ, то по крайней мѣрѣ существованія большей части матеріаловъ, вошедшихъ въ ихъ составъ. Относительно четвертаго евангелія, результаты гораздо менѣе благоприятны. Оно становится извѣстнымъ только послѣ середины II в.»¹⁾ Послѣ этого Штраусъ разсматриваетъ евангелія «по ихъ внутреннимъ свойствамъ и во взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу». Выводъ получается, разумѣется, желательный: «По своему внутреннему и взаимному отношенію, евангелія являются произведеніями, написанными одно послѣ другого, и съ разныхъ точекъ зрѣнія, они не являются правильнымъ отраженіемъ фактовъ, но отражаютъ господствующія понятія, тенденціи и мнѣнія своей эпохи»²⁾.

Покончивъ съ вопросомъ о подлинности евангелій въ отрицательномъ смыслѣ, Штраусъ подвергаетъ анализу понятія чуда и міеа, какъ два главные, по нему, фактора евангельской исторіи (I, 140—154). Возможность чуда въ реальной жизни и въ дѣйствительной исторіи, конечно, отрицается. Міеъ, навязанной Штраусомъ евангельской исторіи, разсматривается, какъ ключъ къ чудеснымъ рассказамъ, и дѣлается апологія его отъ серьезныхъ оппонентовъ. Все это предварительные вопросы. Далѣе идетъ рѣшеніе задачи, поставленной себѣ Штраусомъ, съ отрицательной и положительной стороны.

Въ первой книгѣ, озаглавленной «Историческій очеркъ жизни Іисуса», Штраусъ доказываетъ непреемлемость нашихъ евангелій, какъ историческихъ произведеній, находить въ нихъ крупныя историческихъ истинъ и массу противорѣчій. Во второй книгѣ Штраусъ дѣлаетъ попытку выяснить, какимъ образомъ создалась «міеическая исторія Іисуса». Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ той и другой книги.

Отвергнувъ все чудесное въ повѣствованіяхъ о рожденіи І. Крестителя и І. Христа, какъ противорѣчащее реальной жизни, Штраусъ усматриваетъ будто бы историческое въ тѣсной связи Іоанна съ ессеями. «Іоаннъ Креститель настолько

¹⁾ Das Leben Jesu, s. 79; рус. пер. 76.

²⁾ Das Leben Jesu, s. 145; рус. пер. 139.

близко стоять къ этой сектѣ и настолько напоминаетъ все, что мы знаемъ объ ея особенностяхъ, что напрашивается мысль связать его съ ней и разсматривать ихъ—есейство и І. Крестителя—неразвѣльно, какъ посредствующихъ агентовъ, которые опредѣлили рожденіе христіанства изъ нѣдръ іудейства» ¹⁾). Исторію Іисуса, по Штраусу, можно начинать только съ того времени, какъ онъ пришелъ къ Іоанну, прося крещенія. Изъ легендарной исторіи дѣтства и юности Іисуса, по мнѣнію Штрауса, можно выдѣлить двѣ или три историческихъ черты, что Іисусъ былъ уроженецъ Галилеи, происходилъ изъ простаго сословія, имѣлъ братьевъ и сестеръ. Слава Іоанна заставляетъ Іисуса отправиться къ берегамъ Іордана. Онъ, какъ и Іоаннъ, не могъ удовлетвориться существующей религіей; онъ также страстно стремился къ лучшему и, какъ показало его собственное ученіе, онъ согласно съ Іоанномъ видѣлъ спасеніе только въ нравственномъ обновленіи. Не мало времени онъ, вѣроятно, оставался у Іоанна и получилъ отъ него не одно полезное указаніе ²⁾). Говоря о самосознаніи І. Христа, Штраусъ совершенно вѣрно видитъ въ св. Іоаннѣ наиболѣе глубокое изображеніе его. Но Штраусъ рѣшительно отрицательно относится къ этому изображенію и только лишь потому, что это противорѣчитъ понятіямъ реальной жизни. «Если оставить въ сторонѣ, говоритъ онъ, особенный и божественный характеръ приписываемаго Іисусу первоначальнаго сознанія, нашъ разумъ отказывается понять, чтобы живое существо могло помнить о томъ, что оно существовало до своего рожденія. Это невѣроятно, такъ какъ подлинная исторія не даетъ никакой аналогіи въ подобномъ родѣ. Если бы кто нибудь выразилъ предъ нами подобную претензію, мы сію минуту усумнились бы въ его разсудкъ, если бы онъ былъ искрененъ, а если онъ былъ въ здоровомъ умѣ, то въ его искренности» ³⁾). Въ повѣствованіи о чудесахъ Христа Штраусъ обличаетъ евангелистовъ въ противорѣчіяхъ, уничтожающихъ сообщаемое ими. Евангелисты заполняютъ разсказами о чудесахъ Іисуса цѣлыя страницы своихъ небольшихъ писаній; а между тѣмъ они же приводятъ такіа изреченія Христа, какъ: не дастся знаменія (чуда) роду сему вѣроломному (Мѡ. XII, 39, XVI, 4; ср. Лк. XI, 29). «Правда, продолжаетъ Штраусъ, отказавшись дать

¹⁾ Das Leben Jesu, s. 187; рус. пер. 176.

²⁾ Das Leben Jesu, s. 191—195; рус. пер. 180—183.

³⁾ Das Leben Jesu, s. 201; рус. пер. 188.

знаменія и чудеса, Иисусъ, повидимому, впадаетъ въ сильное противорѣчіе, перечисляя посланцамъ Іоанна Крестителя цѣлый рядъ чудесъ» ¹⁾... Говоря о послѣднихъ дняхъ земной жизни І. Христа, Штраусъ замѣчаетъ: «Изображеніе послѣдняго вечера, проведеннаго Иисусомъ съ учениками, сдѣлано всѣми евангелистами съ точки зрѣнія предпосылки, что Иисусъ зналъ напередъ во всѣхъ подробностяхъ то, что съ нимъ произойдетъ» ²⁾. Иисусъ былъ обвиненъ, по Штраусу, въ заговорѣ противъ существующей религіозной организаціи. Обвиненіе это было ложно. Иисусъ былъ пригвожденъ ко кресту и Его сняли послѣ того, какъ смерть Его была, повидимому, доказана предъ всѣми. «Если мертвыми должно считать тѣхъ, чье дальнѣйшее существованіе не указывается никакимъ историческимъ свидѣтельствомъ, то смерть Иисуса на крестѣ была реальной». Вѣра въ воскресеніе Иисуса могла зародиться, не покаясь ни на какомъ историческомъ фундаментѣ ³⁾.

Во 2-й книгѣ Штраусъ задается вопросомъ, какъ позникли евангелія въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ихъ теперь,—и рѣшительно заявляетъ, что евангелія развились изъ одного простого догмата новой вѣры: Иисусъ былъ Мессія ⁴⁾.

Если Иисусъ былъ Мессія, онъ, по вѣрѣ своего народа, долженъ былъ происходить отъ Давида. Въ силу пророчества Михея Мессія долженъ былъ родиться въ Виѳліемѣ... Чудеса, приписываемыя евангеліями І. Христу, явились изъ пророческой программы: «Тогда откроются глаза слѣпыхъ, и ушины глухихъ отверзутся; тогда разслабленный поскачетъ, какъ олень, и языкъ нѣмыхъ издастъ крики радости» (Ис. XXXV, 5). Пророчество это относили къ мессіанской эпохѣ. Что касается воскрешенія мертвыхъ, то и пророческая легенда давала необходимые прецеденты — Илія и Елисей воскрешали мертвыхъ, и среди знаменій Мессіи, ожидавшихся іудеями, воскрешенія мертвыхъ стояли на первомъ мѣстѣ (1 Цар. X, VII, 12)» ⁵⁾. Іудейскій Мессія есть человѣческій сынъ. Но Иисусъ выступаетъ въ евангеліяхъ съ божественнымъ самосознаніемъ. Самое Его рожденіе произошло отъ Духа Св. Источникомъ

¹⁾ Das Leben Jesu, s. 265 и дал.; рус. пер. 245.

²⁾ Das Leben Jesu, s. 281; рус. пер. 261.

³⁾ Das Leben, Jesu s. 284—288; рус. пер. 263—267.

⁴⁾ Das Leben Jesu, s. 323, рус. пер. II, 4.

⁵⁾ Das Leben Jesu, ss. 324. 333. 425—426, 463—464; русск. перев. кн. II. 6, 14, 100, 135.

подобнаго рода мифовъ, по мнѣнію Штрауса, является «греко-римскій политеизмъ, гдѣ, какъ извѣстно, сыновья боговъ встрѣчаются на каждомъ шагѣ» ¹⁾).

О сочиненіи Штрауса «Жизнь Іисуса» нѣмецкій историкъ богословія пишетъ: «Мы отнюдь не думаемъ, чтобы названное сочиненіе было дѣлающимъ эпоху въ томъ смыслѣ, чтобы изъ него исходила творческая живая мысль, чтобы въ немъ было заложено новое основаніе теологіи. Напротивъ. Его положительная сила (значеніе) безконечно мала, но тѣмъ болѣе было его потрясающее разрушительное дѣйствіе. Это произведеніе знаменуетъ не столько эпоху, сколько кризисъ, не исходный пунктъ, а заключительный» ²⁾. Диагнозъ поставленъ совершенно правильно. Значеніе книги Штрауса только отрицательное. О положительной силѣ ея нѣтъ нужды говорить. Штраусъ превосходный, уничтожающій критикъ, но совсѣмъ ничтожный систематикъ, богословъ-историкъ. Онъ не владѣлъ конструктивнымъ методомъ. Упрекнувъ, по заслугамъ, своихъ предшественниковъ за догматическій, теоретическій, отрѣшенный отъ исторіи, характеръ работъ и указавъ на «необходимость опредѣленія степени достовѣрности евангельскихъ извѣстій, чтобы исторія могла дѣлать свое дѣло», самъ Штраусъ, будучи очевидно непоследовательнымъ, не примѣнилъ къ дѣлу въ своей работѣ исторической методы. Приступая къ критикѣ евангельскихъ повѣствованій, онъ, ничтоже сумняся, замѣчаетъ: «Изъ одного только того, что евангелія говорятъ о сверхъестественныхъ фактахъ, ясно, что они не могутъ быть историческими документами» ³⁾. Говорить такъ—это значитъ рѣшительно не понимать исторіи и не признавать особыхъ методовъ ея! Выходя изъ принциповъ позитивной, матеріалистической философіи ⁴⁾, что чудесъ не можетъ быть, Штраусъ à priori отвергаетъ историческій характеръ евангелій, а исто-

¹⁾ Das Leben Jesu, 347—349; рус. пер. II, 27—29.

²⁾ Karl Schwarz, Zur Geschichte der neuesten Theologie. Zw. Aufl. Leipzig. 1856 «Wir meinen keineswegs, dass das genannte Werke ein epochenmachendes sei, in dem, Sinne, dass von ihm eine neue Grundlegung der Theologie gegeben sei. Im Gegentheil. Seine positive Kraft ist unendlich gering—aber desto grösser ist seine erschütternde und zertörende Wirkung gewesen. Dasselbe bezeichnet nicht sowol eine *Epoche* als eine *Krise*, nicht sowol eine *Aufangs*-als einen *Schlusspunkt*«. s. 3—4.

³⁾ Das Leben Jesu, s. 30; рус. пер. 31.

⁴⁾ Das Leben Jesu, s. 146...; рус. пер. 140.

рическія данныя для подкрѣпленія этой мысли притягиваются имъ насильственно, за волосы: они должны дать то, что требуется отъ нихъ примѣнительно къ цѣли—и даютъ. Однако, какъ же понять происхожденіе евангельской исторіи въ ея настоящемъ видѣ! «Ключъ къ чудеснымъ рассказамъ и многимъ другимъ историческимъ затрудненіямъ въ евангеліяхъ» даетъ *миѳъ* ³⁾,—это превосходное «орудіе, при помощи котораго мы можемъ удалить чудо и сдѣлать возможнымъ историческое изложеніе жизни Іисуса» ⁴⁾. Но и здѣсь Штрауса постигла страшная неудача. Во-1-хъ, оказалось, что это чудесное «орудіе» (*миѳъ*) уже брали въ руки, подносили къ глазамъ, но забраковали въ приложеніи къ новозавѣтной исторіи такіе философы-богословы, какъ Шлейермахеръ, Павлюсъ и др., ибо, по глубоко вѣрному замѣчанію Шлейермахера, въ литературную эпоху чудо не можетъ имѣть мѣста. Штраусъ, конечно, объ этомъ зналъ. Но здѣсь помогъ дѣлу Шеллингъ случайно брошеннымъ замѣчаніемъ, что *миѳическая* обработкѣ можетъ подвергнуться и такая исторія, которая хотя и совершилась въ литературную эпоху, но долго хранилась въ устахъ народа ⁵⁾. Такимъ образомъ дверь для вторженія *миѳа* въ евангельскую исторію была открыта, и Штраусъ ею воспользовался. Однако (во-2-хъ) чудесное «орудіе» такъ-таки и было выбито изъ рукъ Штрауса, и что неожиданнѣе всего, опаснымъ оппонентомъ явился его учитель Бауръ. Онъ указалъ на то, что область *миѳа*—древне-языческая, религіозная, до-историческая жизнь и бытъ. *Миѳъ*—это стихія безсознательнаго, общенароднаго творчества. Наши же евангелія преслѣдуютъ опредѣленные цѣли (по Бауру «тенденціи»), особенно четвертое евангеліе (ср. Іоан. XX, 31). Поэтому нужно всячески избѣгать примѣненія къ нимъ *миѳа*. Это замѣчаніе Баура оказалось для Штрауса своего рода «*Todt-Schlag*’омъ». Въ тяжкомъ огорченіи онъ могъ бы только сказать Бауру: «И ты, Брутъ, противъ меня!» Отъ этого удара дѣлаетъ Штраусъ въ агоніи предсмертный прыжокъ, грубо противорѣчиво въ одно и то же время опредѣляя *миѳъ*—и какъ безсознательное, наивное—и сознательное, тенденціозное творчество ⁶⁾. Болѣе

³⁾ Das Leben Jesu, s. 150; рус. пер. 144.

⁴⁾ Das Leben Jesu 146; рус. пер. 140.

⁵⁾ Ср. проф. М. Д. Муретовъ. Протестант. богословіе, стр. 100.

⁶⁾ „Благодаря блестящему прогрессу науки въ наши дни, мы знаемъ, что первоначальный *миѳъ* является вовсе не индивидуальной и преду-

тѣмъ странно. Но что же можно было сказать въ смертельной агоніи!

Конструктивная часть работы Штрауса, какъ уже замѣчено выше, чрезвычайно слаба. Историческій очеркъ жизни Іисуса вышелъ у него въ высшей степени неудаченъ. Іисусъ Христосъ у Штрауса не истинный человѣкъ, полный жизни, но какая-то схематическая фигура, человѣкъ вообще, существующій гдѣ-то внѣ пространства и времени. «Эллинизму онъ былъ чуждъ; но и іудейство онъ не считалъ своимъ, такъ какъ онъ преобразовалъ и іудейскіе взгляды на законъ и іудейское представленіе о Мессіи. Онъ не сразу пришелъ къ сознанію себя, какъ Мессіи, но нельзя говорить ни о какой душевной борьбѣ. Іисусъ—безстрастенъ; въ то же время его ученіе—чистое, моральное, *общечеловѣческое* ученіе, которое переименовывали въ юдаистическомъ духѣ іудео-христіане, и которое было понято лишь эллинистическимъ обществомъ. Отсюда прямой выводъ: Іисусъ—человѣкъ вообще, проповѣдникъ общечеловѣческаго ученія, пришедшій къ нему... неизвѣстно какимъ образомъ... Если Іисусъ былъ дѣйствительно такимъ, какимъ его рисуетъ Штраусъ, то не есть ли онъ по истинѣ чудесный феноменъ?» ¹⁾. При воссозданіи образа Іисуса, Штраусъ въ высшей степени странно относится къ своимъ предшественникамъ по работѣ. Параднымъ ходомъ имъ доступъ къ Штраусу закрытъ. Здѣсь мечутъ на нихъ громъ и молнію. Но, повидимому, очень рады ихъ принять и принимаютъ боковыми входами. Такъ, по крайней мѣрѣ, Штраусъ поступилъ съ Павлусомъ. Будучи самымъ злостнымъ критикомъ его естественнаго объясненія чудесъ, Штраусъ самъ въ сущности прибѣгаетъ къ тому же самому методу. Онъ говоритъ: «Относительно чудесъ, совершенныхъ Іисусомъ надъ больными людьми,

мысленной фикціей, но продуктомъ общаго сознанія народа или религіозной партіи (147). Das ist ja eben der Fortschritt, den in neueren Zeiten die Wissenschaft der Mythologie gemacht hat, dass sie begriffen hat, wie der Mythos in seiner ursprünglichen Gestalt nicht bewusste und absichtliche Dichtung eines Einzelnen, sondern Erzeugniss des Gemeinbewusstseins eines Volkes, oder eines religiösen Kreises ist. (153—154).

На слѣд. страницѣ (148) стоитъ:... „Мы не утверждаемъ, что образованіе евангельскихъ міеовъ совершенно свободно отъ сознательной фикціи“ ср. 152... Soll nicht gesagt sein, dass an der evangelischen Mythenbildung nicht auch bewusste Dichtung Antheil gehabt habe“ 155, vergl. s. 189.

¹⁾ См. предисловіе М. Н. Никольскаго къ переводу: „Жизнь Іисуса“ Штраусъ, стр. VІІІ.

должно сказать, что такого рода мнимыя чудеса могли быть дѣйствительно совершены Иисусомъ, но *вполнѣ естественнымъ образомъ* (sic!). Разъ Иудейскій народъ ожидалъ отъ Мессіи чудесъ и принималъ Иисуса за Мессію, было бы странно, если бы его присутствіе, его слова или прикосновеніе не доставляли больнымъ реальнаго облегченія. Мы считаемъ эти исцѣленія тѣмъ болѣе вѣроятными, чѣмъ болѣе *болѣзни доступны для психологическихъ вліяній*» (напр. душевныя болѣзни, болѣзни нервовъ и мускуловъ и т. п.) ¹⁾). Можно подумать, что это говорить Павлюсь.

Что положительное значеніе Штрауса въ разработкѣ «жизни Иисуса» равно нулю, это видно ясно уже изъ одного того, что онъ не имѣлъ учениковъ и продолжателей. Слѣдовательно, не было у Штрауса мысли, ухватившись за которую можно было бы извлекать дальнѣйшіе выводы ²⁾ *).

М. Посновъ.

¹⁾ Das Leben Jesu 425—426; рус. пер. II, 99—100 и дал.

²⁾ Въ русской богослов. литературѣ капитальное изслѣдованіе о „Жизни Иисуса“ Штрауса принадлежитъ перу проф. Т. Буткевича: „Жизнь Господа нашего Иисуса Христа“. Изд. 2-е. Спб. 1887, стр. 804.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки